

Елена Арсеньева

Проклятие
ГИАЦИНТОВ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *К. Гусарева*

Ранее книга была издана
под названием «Предвестница смерти»

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Проклятие Гиацинтов / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Пикантный детектив).

ISBN 978-5-04-097148-0

В деревне, где выросла Лера Онегина, существует поверье о некоем камне — кто его найдет, станет блудником. Лера находит красный турмалин, и... поверье сбывается. Онегину из-за ее красоты избегают ровесницы, преследуют женатые и холостяки. А однажды пытаются изнасиловать. Ее спасает мачеха одноклассника Ларисса. Она предлагает девушке выйти замуж за своего пасынка и уехать в Москву. Лера вынуждена согласиться. Знала бы она, что стоит за навязчивым благородством Лариссы и приторной красотой жениха Микки, осталась бы в ненавистой деревне... Писательница Алена Дмитриева волею судьбы сталкивается со всеми этими людьми на выставке картин Жужки — друга Микки и талантливого художника, увлекающегося классическими сюжетами. Увидев его картину, где Аполлон оплакивает убитого им Гиацинта, Алена вынуждена вмешаться в судьбу Леры. Дмитриева знает точно: промедление просто смерти подобно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е.А., 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-04-097148-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

И, не готовый ни к чему такому,
Я третьим затесался в tête-à-tête.

Борис Пастернак

Случайности носят иной раз характер роковых. С другой стороны, есть люди, которые пресерьезно уверяют, будто случайностей в принципе не бывает и все, что с нами происходит, предопределено свыше и заранее *там* (где и находится это самое «свыше») запланировано. То есть «кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится». И в каку-бьяку ты ногой не вступишь. И расфуфыренный «мерс» («Лексус», «Хонда», «Ауди», «Роллс-Ройс», «копейка», нужное подчеркнуть) тебя не обрызгает с ног до головы, проносясь мимо с недозволенной скоростью, когда ты стоишь на перекрестке, а кругом страшнейший ливень и лужи до колен. И пьяный до безобразия бомжара ни с того ни с сего не произнесет сакраментальное словцо, означающее женщину легкого поведения (на «б» начинается, на мягкий знак кончается), проходя мимо тебя, и ты долго будешь гадать, нечаянно он это брякнул, а может, свое восхищение выражал, но самое главное: откуда он знает, что ты — ну, эта... из пяти букв, последняя — мягкий знак...

Нет, нашу героиню не обрызгал расфуфыренный «мерс». И какой-то там бомжара не дал ей соответ-

ствующего определения. Ей всего-навсего разбила нос «Газель», причем в самом деле совершенно случайно.

«Газель» — это машинка такая, типа, грузовичишко, производства завода «ГАЗ», поэтому «Газелью» называется, а вовсе не потому, что она легко- и быстроходная, словно горная козочка. Говорят, у нее — у «Газели», а не у газели, конечно, — теперь будет передний привод... может, кто-то знает, что это за штука такая, но писательница Алёна Дмитриева не знала, а впрочем, это не имеет к случившемуся никакого отношения. А имеет отношение нижеследующее.

Алёна Дмитриева шла в свой любимый спортзал в ДК имени Свердлова. Это название, конечно, анахронизм, то есть полный исторический писец, выражаясь более понятно, но куда деваться, знатный земляк, поэтому в городе Нижнем Новгороде — Нижнем Горьком тож — имеет место быть и ДК им. этого самого как бы Свердлова, и скверик, где торчит его бюст, и даже дом его папы на главной улице, где некогда родился сам Свердлов, или кто там имеется в виду под этой партийной кличкой? Впрочем, сей пассаж также не имеет к предмету нашего повествования никакого отношения.

Вернемся же к Алёне.

Итак, она шла в спортзал, вернее, почти бежала, потому что опаздывала... в последнее время хронический цейтнот сделался ее обычным состоянием, и она как раз об этом и думала, когда ей пришлось притормозить, чтобы обойти «Газель», которая стояла крайне нелепо — почти перегородив тротуар. Нет, все понятно — дорога ремонтировалась, «Газель» просто вынуждена была на тротуар влезть, чтобы не мешать проезжавшим мимо авто, но зато она интенсивно мешала теперь пешеходам: им было тесно и неудобно, приходилось соблюдать

очередность, мимо машины протискиваясь, к тому же водитель из кабины вышел и сел на столбик декоративной ограды, вытянув ноги и еще больше сузив и без того неширокий кусок тротуара. Может, ему доставляло удовольствие наблюдать, как пешеходы в спешке то перепрыгивают через его дурацкие ноги, то перешагивают нелепо, словно журавли на болоте... Пассажир, остававшийся в кабине и сидевший, выставив локоть в открытое окошко, тоже, похоже, происходящим наслаждался.

Алёна, впрочем, не собиралась нахалам этого позволять. Она вообще обладала очень развитым классовым чувством, которое в таких революционных ситуациях сильно обострялось. Поэтому она посмотрела на весельчака-водицу так, что тот почему-то немедленно ноги подтянул. И она прошла мимо совершенно спокойно и даже с чувством собственного достоинства.

Это очень не понравилось человеку, сидевшему в кабине, и он что-то буркнул вслед нашей героине. «Что-то» в данном случае — эвфемизм. Слово состояло из пяти букв, начиналось на «б», заканчивалось на мягкий знак и было синонимично понятию «неприличная женщина». В это время Алёна уже миновала грузовичок и находилась как раз позади его кузова. Она возмущенно обернулась, готовая ответить подобающим образом, — и получила сильнейший удар в лицо, на миг ослепнув и онемев от боли.

«Кто?! За что?!» — вспыхнула мысль — и растворилась в одном мучительном сто-о-оне...

На самом деле никто и ни за что. И Алёна поняла это буквально через полминуты, когда смогла разлепить веки, склеенные слезами. Просто тент кузова позади «Газели» порвался. Причем уже давно. Лоскут

с тяжелой пряжкой болтался под ветром туда-сюда, а порыв ветра, когда мимо проходила Алёна, оказался особенно силен. И так, лоскут взлетел — и пряжка въехала в нос нашей героине, которая так не вовремя оглянулась. А почему она оглянулась, спрашивается?! Да потому, что ее оскорбили! Ее же оскорбили — и она же получила по физиономии.

И где после этого справедливость на свете?

— Да чтоб вы сдохли! — выкрикнула она сквозь слезы, имея в виду сама не зная что или кого. Ее пожелание предназначалось и шоферу, который не заботился о своей машине и держал ее в таком травмоопасном состоянии, и тому, кто незаслуженно облаял ее, и самому рваному тенту, и его привольно мотающемуся лоскуту, и пряжке, и боли, и крови, которой она теперь захлебывалась, и слезам, лившимся неостановимо.

— Да что ж ты, девушка, такая злыдня?! — возмущенно завопил кто-то рядом, и Алёна смогла открыть глаза. Рядом с ней стояла маленькая толстенькая бабуля в белой панамке, которая резко вызвала в Алёниной памяти детский сад, и дачу, и летнюю жару, и ромашковый луг, и солнце, которое слепило глаза, вышибая слезы...

Да нет, это боль слепила глаза! Алёна сердито смахнула слезные капли рукой и торопливо выхватила из сумки пачку одноразовых платочков. Прижала к носу один, второй — и немедленно почувствовала себя лучше, во всяком случае, зрение чуть прояснилось. Она увидела прохожих, которые спешили миновать проклятушую «Газель», не обращая на окровавленную Алёну никакого внимания. Для этой высокой женщины в ярко-алой блузке, для полусонной девушки, для парня в бандане и черных очках и еще какого-то угрюмого молодого человека ее словно бы не существовало! Они прошествовали

мимо, даже не взглянув на нее, даже не спросив, что случилось. Словно каждый день им встречались посреди дороги знаменитые (ну, пусть даже не знаменитые, что это вообще меняет?!), писательницы-детективщицы (а Алёна была именно писательницей-детективщицей) с окровавленными лицами.

Однако если она ощутила мгновенное страдание от такого вопиющего проявления человеческого равнодушия, то в следующую секунду получила огромную порцию внимания к своей персоне — и даже с переизбытком.

— Убила! Ты его убила! — раздался вопль, и водитель «Газели», только что беззаботно сидевший на столбике ограды, вдруг кинулся к Алёне с кулаками и криком: — Он мертвый!

Писательница наша отпрянула, водитель пролетел мимо — и нелепо распростерся на земле. Почему-то ноги его не держали. «Пьяный, что ли?!» — изумленно подумала Алёна, глядя в спину упавшему. Впрочем, он немедленно вскочил. Глаза его и в самом деле блуждали, как у пьяного, а лицо являло из себя картину самых раздирающих чувств: ошеломления, ярости, ужаса... Утерев рукавом пыль с лица (его угораздило угодить в кучку мусора, наметенную каким-то ретивым дворником... звучит фантастически, однако, честное слово, ретивые дворники еще существуют в природе, хоть и в небольшом количестве — сущие единицы, не вывелись, как класс, и не вымерли, как динозавры!), он нашарил взглядом своих побелевших глаз Алёну и кинулся было на нее с кулаками, как вдруг перед ней мелькнуло что-то синее и серое, какие-то широкие плечи, сильные руки, мужественные (другого слова в данной ситуации не подберешь) лица появились...

— Лежать! — рявкнул чей-то столь же мужественный бас, и Алёна увидела, что водитель вновь расprostерт на земле, а на его спине утвердилась невыразимо мужественная нога в высоком солдатском ботинке. Владелец ноги представлял собой широкоплечего молодого человека в милицеейской форме, бритоголового и с несколько свернутым влево носом. Возможно, владелец носа увлекался боксом и получил крепкий хук справа на товарищеском матче. Возможно, матч был не слишком товарищеский, да и вообще не матч это был, а схватка не на жизнь, а на смерть с целой толпой нарушителей общественного порядка. А вполне вероятно, что он просто шел мимо какой-нибудь «Газели», а у нее был порван сзади тент, и вот подул ветер...

Ну, и тому подобное. Интересно знать, что случилось бы с водителем *той* «Газели»?

Впрочем, этому тоже не слишком повезло. Он продолжал лежать лицом вниз, с заломленными руками, карманы его были вывернуты, а из них извлечено удостоверение, и сейчас владелец мужественной ноги, плеч и носа мужественным голосом читал:

— Смешарин Павел Андреевич... — И хохотнул презрительно: — Нашел фамилию, тоже мне! Ничего тут нет смешного! Ты что ж это делаешь, Смешарин?! С цепи сорвался — женщин избивать среди бела дня? Она тебе кто, жена? — Он смерил взглядом Алёну, потом шофера — и со знанием дела покачал головой: — Нет, она тебе не жена, сразу видно. Тогда что ж ты хулиганишь?

— Да я ее, эту ведьму, пальцем не тронул! — глухо провыл Смешарин, который по-прежнему лежал, зарывшись в землю носом. — Не трогал я ее! Пусть хоть сама скажет!

— Не стыдно ли тебе, Смешарин? — спросил

Боксер, вдавливая водилу в землю еще сильнее. — Женщину оскорблять — разве можно?

— Не женщина она, а ведьма! — донеслось почти невнятное. — Я ее и пальцем не тронул, а она... — Тут он поперхнулся перстью земной и закашлялся.

— Пожалуйста, разрешите ему встать, — поспешно сказала Алёна, которой в принципе не чужды были самые лучшие человеческие чувства. — Он меня и правда не бил. Я сама... то есть не сама, меня вот эта штука по лицу хлестнула.

И она показала на болтавшийся край тента.

Боксер мигом оценил ситуацию.

— Непредумышленное причинение телесных повреждений, связанное с халатным отношением к своим обязанностям, — вынес он приговор и снял, хотя и с явной неохотой, ногу со спины Смешарина. — Будем шофера и владельца штрафовать, и сильно штрафовать. А если эта женщ... — Он снова смерил взглядом Алёну, торопливо приводившую себя в относительный порядок с помощью влажных салфеток и маленького зеркала, и быстро поправился: — А если эта дама захочет на тебя заявление написать, то будет совершенно права.

— Да я сам на нее заявление напишу! — завопил Смешарин, поднимаясь и выставляя напоказ перепачканную физиономию. — Она убила Коржакова!

— Коржакова? — нахмурился Боксер. — Знакомая фамилия... что-то напоминает такое... коробка из-под ксерокса, пол-лимона баксов...

— Да нет! — в отчаянии крикнул Смешарин. — Она не того Коржакова, а Серегу убила, Серегу! Вы только поглядите, он в кабине сидит! Ужас! Он — хозяин этого грузовика, и что мне теперь с ним делать, с та-

ким?! Мы за товаром ехали, остановились тут, чтобы с хозяйкой товара встретиться и вместе с ней потом... а я ничего не знаю, ни кто она, ни какой товар, ни какой магазин... И кто мне оплатит бензин, работу? А Серегу убила вот она, она!

И Смешарин принялся яростно тыкать в Алёну пальцем, остерегаясь, впрочем, приближаться к ней и держась на почтительном расстоянии.

Тем временем Боксер, его напарник и Алёна подошли к кабине и остановились... вернее будет сказать, замерли, пораженные. Алёна даже забыла о своем разбитом лице при виде скорченного тела, нелепо застывшего в кабине.

— Эй, что с тобой? — окликнул Боксер, осторожно касаясь странно выставленного плеча, и тотчас отдернул руку, изумленно воскликнув: — Как каменный! Что ж такое, а?! Судорогой его свело, что ли?

— А вы на его лицо посмотрите, посмотрите! — прорыдал Смешарин, и все последовали его совету.

Немедленно Алёна подумала, что лучше бы она этого не делала. Лицо пассажира являло собой невероятное смешение черт... казалось, какая-то нелепая и злая сила перетасовала их в сюрреалистическом беспорядке, подняв нос чуть ли не на середину лба, сведя глаза в одну точку и заставив несчастного оскалиться в дьявольской усмешке.

— Матушка Пресвятая Богородица... — прошептала Алёна — и услышала женский голос, со священным ужасом вторивший ей. Оглянулась и, словно в тумане, увидела бабульку, назвавшую ее злыдней.

Боксер и его напарник выразились несколько более приземленно, можно сказать, плотски, но смысл, в общем-то, сводился к огромному потрясению, которое они испытали.

Бабулька мелко крестилась, закрыв глаза, чтобы не глядеть на ужасный труп. Алёна тоже зажмурилась было, но так ей стало еще страшнее: искаженное, нереальное, жуткое лицо маячило перед внутренним взором, поэтому она глаза открыла, но опустила голову, чтобы не видеть этого кошмара. Надо было отойти, отойти поскорей от кабины, но она не могла сдвинуться с места. Колени подгибались, пришлось схватиться за край кузова, чтобы устоять на ногах.

Бабка вцепилась в Алёну. Ее тоже не держали ноги, беднягу. Напарник Боксера стоял сам, но его заметно пошатывало.

Боксер, надо отдать ему должное, пришел в себя быстрее прочих. Он выхватил из кармана носовой платок, развернул его — платок оказался размером примерно метр на метр, был стерильно чист, белоснежен и идеально отглажен (картина устойчивого семейного благополучия мгновенно нарисовалась в воображении Алёны) — и набросил на голову водителя, прикрывая его от взглядов идущих мимо людей. А потом встал так, чтобы вообще загородить своими сажеными плечами открытое окно кабины.

— Вызови опергруппу, — приказал он напарнику. — Скажи, сложный случай, возможно, понадобится медицинская помощь.

— Да что тут сложного?! — заблажил было Смешарин, но Боксер так на него глянул, что он мгновенно осип и продолжал уже почти шепотом: — Что тут сложного, я вас спрашиваю? Вот убийца! — Выразительный жест в сторону Алёны. — Хватайте ее! Она из мести... ее, значит, тентом по морде, а она, значит...

— Это у вас, возможно, морда, а у меня лицо, с ва-

шего позволения, — перебила Алёна, слегка хлюпая кровоточившим носом. — Это раз. Во-вторых, скажите, каким образом я могла убить вашего друга, не сходя с места? Я же там, за кузовом, была! Оружия у меня никакого нет. Вы городите сами не знаете что!

— Я не знаю?! — шепотом вскрикнул Смешарин. — Я знаю! Ты ему сдохнуть пожелала, вот он и...

— Тихо, — прервал его Боксер. — Тут пистолет вообще ни при чем. Ранений на нем я не вижу. И от ранений такая судорога человека никак согнуть не может. Причина смерти неизвестного происхождения, так и запишем.

— Я фильм о Шерлоке Холмсе смотрел, — сказал его напарник, который тем временем уже выполнил приказание и вызвал подкрепление, — и там Холмс говорил, что такое ооченение наступает при отравлении ядом кураре. Элементарно, Ватсон!

— Так, — произнес Боксер и повернулся: — Пожалуйста, сумочку вашу предъявите, гражданка.

— Пожалуйста, — сказала Алёна с вызовом, прикладывая к лицу очередную гигиеническую салфетку. — Желаете посмотреть, не лежит ли там флакончик с кураре, а также духовая трубка?

— А при чем тут трубка? — насторожился Боксер.

— Да при том, — угрюмо усмехнулась Алёна, — что другим образом я его никак не могла убить, этого Коржакова. Говорю же, я вон там стояла, за кузовом. И с места не сходила. Ни уколоть кураре, ни тем паче напоить его ядом я никак не могла.

— Точно, у того дикаря в кино про Шерлока была трубка! — радостно воскликнул напарник Боксера. — Да ты что, не смотрел этот фильм? Его все видели!

— Откуда вы знаете про укол? — подозрительно спросил Боксер. — Вот, и локоть у жертвы ранен как-то подозрительно...

Алёна посмотрела на локоть, угловато торчавший из окна кабины. Рукав футболки оканчивался чуть выше, и отчетливо была видна кровь, выступившая вокруг небольшой царапины.

— Это не укол, — сказала она, — это царапина. И даже если через нее попал яд, я тут точно ни при чем. Поскольку для того, чтобы его оцарапать, следовало подойти к покойному, в смысле, тогда еще живому. Я стояла на месте. Так что духовое оружие можете не искать.

Нет, она никогда не могла удержаться от удовольствия поехидничать!

— А может, ты и не стояла! — закричал Смешарин. — Может, ты успела к нему подскочить и...

— Да некогда мне было подсакивать! — шалела от этого прогрессирующего идиотизма, почти закричала Алёна. — Не до убийств мне было, честное слово! Я нос вытирала!

Боксер посмотрел на ее нос, на очередную окровавленную салфетку и выразился в том смысле, что у нее были серьезные основания отомстить владельцу машины.

— Да, да! — возбужденно завопил Смешарин. — Она это! Ее рук дело!

Ну видели ли вы где-нибудь когда-нибудь такого кретина?

— А между прочим, — надменно сказала Алёна, от злости обретая спокойствие и присущее ей высокомерие, — убить Коржакова могли и вы. Вы стояли рядом, вам и отходить никуда не требовалось. Взяли